

— Не обязательно есть именно у меня, правда? — сказал хозяин заведения.

Видимо, у успешных в бизнесе людей действительно особый склад ума.

Гу Чанъань ответил:

— Ему просто нравится ваша кухня. В тот день, после звонка, когда вы сказали, что не можете принять заказ, я повёл однокурсника в несколько ресторанов. Тот маленький толстячок, что был только что, — из Чэнду, и он сказал, что у вас лучше всех.

— Да?

— Брат, это правда!

Хозяин сделал глоток чая:

— Тебе нравится этот мальчик?

Гу Чанъань на мгновение замялся:

— Откуда вы знаете, что это мальчик...

Хозяин усмехнулся:

— Разве не мальчик?

Гу Чанъань и хозяин ненадолго переглянулись. Гу Чанъань кивнул.

— Да... Я просто хочу, чтобы в его день рождения рядом были близкие друзья, чтобы он ел то, что хочет, и получил подарок, о котором мечтал. Если всё пойдёт хорошо, я хочу с ним...

— Ладно, зал забронирую. 24 декабря, второй этаж, этот самый кабинет. Мой лучший повар будет в вашем распоряжении, — сказал хозяин.

Повар, стоявший рядом, возмутился:

— Эй, ты так в трёх словах меня и пристроил?

— Заткнись, — отрезал хозяин. — Я людям помогаю.

— Спасибо, хозяин. Сколько оставить в качестве залога? — спросил Гу Чанъань.

— Ничего не нужно. Уходи, у меня тут лица в цене, — ответил хозяин. — Но если ты приведёшь не того парня, что на твоём экране телефона, — кабинета не будет.

— А? — Гу Чанъань сообразил, что на заставке был Линь Го, и, ухмыльнувшись, кивнул. — Хорошо, кроме него я никого и не хочу приводить. Спасибо, брат, пока.

Сидя в авбусе, Гу Чанъань всё ещё размышлял: вот так забронировал ресторан — чтобы получить кабинет, пришлось даже из шкафа вылезти.

Шестой день, как Линь Го злится. Скучаю по нему.

Но Цин-гэ сказал, что нам надо остыть. Лу Мэнбай говорил, что в последнее время у Го Го настроение не очень, и мне тоже хочется его утешить. Хотя Го Го сказал, что больше не любит

меня, но сдаваться — не в характере Гу Чанъаня. Ради будущего... придётся моему комочку немного потерпеть.

Тринадцатый день, как Линь Го злится. Скучаю по нему.

Микрофон, который я купил для Го Го, наконец-то пришёл. Так и рвусь устроить ему предвкушение дня рождения. Но Цин-гэ говорит — держись, а то я точно всё испорчу.

Двадцатый день, как Линь Го злится. Держись, победа близка!

Осталась неделя до дня рождения Го Го. Я вот-вот одержу промежуточную победу. Вперёд, держись — и победишь!

Гу Чанъань уже целые сутки не говорит со мной. Злюсь.

Прошёл день с тех пор, как вернулся от сестры Сяо Лань, а Гу Чанъань всё не пишет. Хм.

Гу Чанъань уже три дня не говорит со мной. М-да...

Третий день, а Гу Дагоу* всё ещё не написал первым. Сестра Ло Шэн ещё говорила, что Гу Чанъань меня любит. Врунья. Все бизнесмены — вруны.

(*Прим.: «Дагоу» — «Большой Пёс», прозвище.)

Гу Чанъань уже неделю не пишет первым. Тоска.

Позавчера не выдержал и написал ему в QQ: мол, слишком резко повёл себя, надеюсь, это не повлияет на наши отношения. А он ответил всего одним словом: «Ага». Да-да, единственным словом из тринадцати черт, даже без знака препинания. Врунья. Сестра Ло Шэн — большая врунья. Он точно меня не любит и, наверное, вообще не хочет со мной дружить.

Гу Чанъань уже две недели не пишет первым. Грустно.

Вчера притащил пакет мандаринов к ним в общагу. Обычные стоили 6,5 юаней за цзинь*, а я купил сахарные — по 8,4, да ещё специально выбирал с листочками. А в комнате оказался только Сюй Чэн, сказал, что они втроём ушли гулять. Может каждый день с ними тусоваться, а со мной и двух слов связать не может? В сердцах потащил мандарины обратно в свою общагу. Надо сказать, сахарные и правда слаще. Дороговизна оправдана.

(*Прим.: цзинь — 0,5 кг.)

Двадцать четвёртый день, как Гу Чанъань не говорит со мной. Сердце спокойно, как вода.

Какая там любовь? Не существует её. Какая дружба? Без разницы. Сердце спокойно, волнения нет. Ха! Ты, пёс, доведший меня до слёз, в чёрный список тебя. Прощай.

Двадцать третье декабря. Завтра день рождения Линь Го. Гу Чанъань не может заснуть от возбуждения.

Е Цин сказал, что можно отправить смску или написать в QQ, спросить у Линь Го, какие на завтра планы.

Гу Чанъань кивнул. Минут через десять спросил:

— Цин-гэ, а если он не ответит?

— Напиши в QQ, — небрежно ответил Е Цин, лёжа на кровати. — Думаю, будет неожиданный сюрприз.

Минуты через две:

— Цин-гэ! — Гу Чанъань вскочил со стула. — Э-э? Я... он меня заблокировал...?

Е Цин спустился с кровати, взглянул.

— Ага, заблокировал.

Мозг Гу Чанъаня завис на полминуты. Затем он набросился на Е Цина, уже собиравшегося назад на кровать, и схватил его за воротник.

— Ты велел не лезть к нему, говорил про сюрприз! И сюрприз этот — я в чёрном списке?!

— Эй-эй, отпусти, отпусти! — Е Цин похлопал его по руке. — Одежда дорогая! Отпусти, всё спокойно обсудим.

Гу Чанъань не отпускал.

— Эй-эй! — Е Цин отчаянно пытался спасти свой воротник. — Я же знал, что он тебя заблочит! Именно этого я и добивался! Расслабься, расслабься, давай сядем и поговорим.

Гу Чанъань отпустил и сел, уставившись на Е Цина.

Е Цин расправил помятый Гу Чанъанем воротник.

— Ну и характер у тебя, вспыльчивый! Нельзя было просто спокойно поговорить?

— Говори быстрее.

— Смотри. Я сказал тебе держаться и не искать его — ты сделал? — спросил Е Цин.

Гу Чанъань неохотно кивнул.

— Ну, тогда он тебя заблокировал — это логично и нормально. Это хорошо, тебе бы радоваться надо.

Вернувшийся с водой Ху Юй почувал в воздухе напряжение. Он поспешно поставил чайник и ухватил Гу Чанъаня.

— Цин-гэ, я рискую жизнью, чтобы спасти тебя!

Е Цин метнул ему одобрительный взгляд.

— Смелость похвальна, — а затем добавил:

— Это и правда хорошо. Сам подумай.

Гу Чанъань, закусив губу, вырвался из объятий Ху Юя и встал. Ху Юй тут же снова обхватил его. Е Цин шмыгнул на балкон и крикнул:

— Не горячись! Будь ты ему безразличен — зачем бы он тебя заблокировал?!

— Чушь! Именно потому что безразличен, он меня и заблокировал! Ты сам велел не лезть — вот и результат!

— Да нет же! Будь ты ему безразличен — оставил бы в списке друзей и всё. Смотри! — Е Цин сделал Ху Юю знак «держать» и, горделиво скрестив руки на груди, поднял подбородок. — «Нравлюсь я тебе, а ты меня игнорируешь. Злюсь, хм! Ты мне не пишешь — и я тебе писать не буду. В чёрный список! Хм! Посмотрим, как долго ты выдержишь».

Гу Чанъань замер. Глаза его забегали.

— Видишь, да? — осторожно продолжил Е Цин. — Не нравился бы ты ему — было бы просто: «Не пишет — и ладно, мне тоже неохота. Лишь бы внешне всё прилично выглядело».

Гу Чанъань подумал и кивнул.

— Вроде да... А что теперь делать?

Е Цин махнул рукой.

— Садись.

Гу Чанъань сел и поманил его.

— Эй, Цин-гэ, не волнуйся. Я просто запаниковал, не сообразил сразу. Ты не сердись.

— Да я и не сержусь, — сказал Е Цин. — погоди, я скажу Лу Мэнбаю, пусть он с Линь Го поговорит.

— Он же не хочет со мной общаться. Если Лу Мэнбай скажет, что это я день рождения устраиваю, он точно откажется, — нахмурился Гу Чанъань.

— Ну да! Поэтому и скажем, что это Лу Мэнбай устраивает. Завтра он на месте всё поймёт — но ведь не развернётся и не уйдёт, правда? — сказал Е Цин.

Ху Юй похлопал Гу Чанъаня по плечу.

— Эй, я же говорил — не торопись. Наш Цин-гэ — ходячий Казанова, разве он с таким пустяком не справится? Я сейчас «Белой Змейке»* напишу. А ты иди мойся да спать ложись. Негоже завтра с синяками под глазами являться.

(*Прим.: «Белая Змейка» — прозвище Лу Мэнбая, игра на его имени (Мэнбай — «мечтать о белом».)

— Ага, спасибо, потрудился, — Гу Чанъань повернулся к Е Цину с виноватым видом. — Эй, я просто вспылел, не сдержался.

Е Цин улыбнулся.

— Знаю, знаю. Это я с самого начала не объяснил. На твоём месте я бы тоже взбесился. Ерунда.

Линь Го вернулся с водой, собрался было посидеть в телефоне, как подошёл Лу Мэнбай:

— Завтра свободен?

— Две пары. Считается?

— Учёба — не дело. Завтра же твой день рождения, — ухмыльнулся Лу Мэнбай. — Хочу, чтобы вечером вместе поужинали.

Линь Го хотел спросить, откуда он знает, но вспомнил: Лу Мэнбай — староста, наверное, в анкете увидел.

<http://bllate.org/book/16270/1464237>